

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Библейское учение о природе и отношении к ней человека

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 11. С. 599-611.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Библейское учение о природѣ и отношеніи къ ней человѣка.

БОГООТКРОВЕННОЕ учение о природѣ и отношеніи ея къ человѣку значительно отличается отъ всѣхъ другихъ ученій, которыя встрѣчаемъ мы въ древнихъ языческихъ религіяхъ и философскихъ системахъ. Въ то время, какъ съ точки зрѣнія послѣднихъ, видимый нами міръ въ своихъ перво-элементахъ существовалъ вѣчно и лишь былъ устроенъ богами или Премудрымъ Архитекторомъ, по библейскому воззрѣнію, онъ получилъ начало во времени и былъ сотворенъ изъ ничего сілою божественнаго всемогущества, для котораго нѣтъ невозможнаго. Не только для благочестиваго чувства и вѣры, но даже и для просвѣтленнаго вѣрою разума такое учение гораздо болѣе удовлетворительно, нежели мнѣніе о вѣчномъ существованіи матеріи на ряду съ Богомъ и объ ограниченіи абсолютнаго космическимъ бытіемъ. Только оно способно уничтожить тѣ антиноміи, къ которымъ приходитъ мысль, допуская вѣчное существованіе матеріи на ряду съ Богомъ, что необходимо приводитъ къ признанію двухъ абсолютныхъ—иначе къ отрицанію всякаго Бога. Правда и библейское учение о твореніи есть непостижимая тайна, которая можетъ быть принята только вѣрою, но во всякомъ случаѣ оно не стоитъ въ противорѣчій съ разумомъ, а только превышаетъ его.

По представленію библіи, природа сама по себѣ неразумна, безсознательна, несвободна и совершенно безразлична съ нравственной точки зрѣнія. Въ этомъ опять видно превосход-

ство богооткровеннаго ученія предъ воззрѣнiями человѣческой мудрости. Языческія религіи то приходили къ обоготворенію природы въ ея цѣломъ или частяхъ, разсматривая ее какъ живое существо и олицетворяя ея явленія и силы, то видѣли въ ней противоположное Богу самобытное злое начало, источникъ грѣха и страданій на землѣ. То же надо сказать и о философскихъ системахъ, творцы которыхъ не могли возвыситься до полнаго разграниченія между духомъ и матеріей, между областями физической и моральной. По библейскому ученію, вѣшняя природа лежитъ внѣ нравственной сферы и не подлежитъ этической оцѣнкѣ. Область моральнаго и свободнаго совпадаютъ между собою, а потому явленія матеріальнаго порядка сами по себѣ не могутъ быть признаны ни добрыми, ни злыми. Равнымъ образомъ въ природѣ нѣтъ сознательной разумности и мысли и, если небеса повѣдаютъ намъ славу Божию, то дѣлаютъ это помимо своей воли. Въ такомъ воззрѣнiи на природу нельзя не видѣть огромнаго преимущества предъ языческими религіозными и философскими ученіями, по которымъ лишенная сознанія и свободы міровая сущность признавалась то божествомъ, то нравственно злымъ существомъ, противоборствующимъ и противодѣйствующимъ Божественной Благости.

Но не подходя подъ категоріи нравственнаго добра и зла, явленія природы, по откровенному ученію, могутъ быть оцѣниваемы съ точки зрѣнiя идей совершенства и несовершенства. Въ этомъ смыслѣ міръ сотворенъ Богомъ совершеннымъ, насколько это возможно для ограниченнаго и тварнаго бытія. Именно это означаютъ слова бытописателя: «и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло» (Быт. I, 31). Первоначально въ мірѣ не было физическаго зла и страданій, такъ что порядокъ его вполне гармонировалъ со всѣми идеалами и запросами человѣка. Но затѣмъ, вслѣдствіе паденія прародителей, земля была проклята «въ дѣлахъ своихъ», послѣ чего въ ней появились нѣкоторыя несовершенства. Это разстройство природы, наступившее вслѣдъ за нарушеніемъ заповѣди, данной въ раю, можно понимать различно. Можно предположить, что оно было сверхъестественнымъ актомъ божественнаго всемогущества, вдругъ измѣнившаго къ худшему порядокъ міра въ наказаніе за грѣхъ человѣка. Но можно думать и такъ, что разстройство творенія явилось вполне естественнымъ слѣдствіемъ грѣховной заразы, внесенной нашимъ праотцемъ въ

человѣческую природу. Ни въ словѣ Божіемъ, ни въ символическихъ книгахъ православной церкви нѣтъ никакихъ данныхъ для того или другого рѣшенія этого вопроса. Съ чисто рациональной точки зрѣнія послѣднее должно быть признано болѣе вѣроятнымъ. Во 1) однимъ изъ принциповъ богословской науки является тотъ, чтобы изъ двухъ объясненій извѣстнаго факта естественнаго и сверхъестественнаго, отдавать предпочтеніе первому, если только это возможно и не противорѣчить смыслу библейскаго повѣствованія, во 2) произведеніе нарочитаго разстройства въ природѣ за грѣхъ человѣка вызываетъ сомнѣніе въ справедливости этого акта по отношенію къ ни въ чемъ неповинной твари. За тѣмъ, и при томъ предположеніи, что уменьшеніе совершенствъ міра необходимо вытекало изъ испорченности человѣческой природы, возможны два объясненія происшедшаго разстройства. Можно считать его явленіемъ объективнымъ, дѣйствительно случившимся вслѣдствіе существующей, намъ непонятной, связи между міромъ и человѣкомъ, но можно допустить и субъективную только перемѣну въ самихъ людяхъ, вслѣдствіе которой сама по себѣ совершенная природа стала служить для нихъ источникомъ страданій. Эта послѣдняя мысль весьма вѣроятна. Очень можетъ быть, что проклятiе земли состоитъ не въ измѣненіи самой ея сущности и управляющихъ ею законовъ, а въ искаженіи нашихъ точекъ зрѣнія на нее и нашего отношенія къ ней. Ядъ грѣха растлилъ нашу душу, омрачилъ духовное око, возбудилъ въ насъ противоестественныя потребности и влеченія и внесъ заразу въ наше тѣло, сдѣлавъ его источникомъ страданій. Объективный порядокъ міросозданія не измѣнился. Онъ по прежнему остается совершеннымъ. Но растлѣнный грѣхомъ человѣкъ воспринимаетъ міръ сквозь призму своей болѣзненной организаціи, вслѣдствіе чего, съ одной стороны, многое представляется ему бессмысленнымъ и неразумнымъ, съ другой, то, что до паденія доставляло бы ему, быть можетъ, удовольствіе, теперь причиняетъ страданіе. Связь между нравственнымъ состояніемъ человѣка и отношеніемъ его къ видимой природѣ подтверждается многими психологическими фактами. Для праведника міръ представляется гораздо болѣе прекраснымъ и цѣлесообразнымъ, чѣмъ для грѣшника. Дѣти, болѣе невинныя сравнительно съ взрослыми, живѣе ощущаютъ и благоуханіе цвѣтовъ, и запахъ весенняго воздуха, и ароматы плодовъ, и пѣніе птицъ, и шелестъ вѣтерка. Человѣку

пожившему кажется, что въ пору его юности и небо было голубѣе, и воздухъ прозрачнѣе, и солнце ярче, и трава зеленѣе: И можно допустить, что для него дѣйствительно тогда все это представлялось въ лучшемъ видѣ вслѣдствіе неиспорченности, воспримчивости и чуткости его натуры. Для злодѣя, имѣющаго на своей совѣсти не мало преступленій, или для истасканнаго развратника тяжело и стыдно смотрѣть на міръ Божій. Все его здѣсь раздражаетъ, все представляется непріятнымъ и противнымъ. Моменты нравственныхъ паденій въ жизни какъ личностей, такъ цѣлыхъ народовъ, всегда были въ то же время моментами глубокаго пессимизма. Припомнимъ хотя бы состояніе римскаго народа предъ пришествіемъ Спасителя, или обратимъ вниманіе на психику совершенно изжившагося, хилаго и больного человѣчества. Отдѣльные индивиды лишь до тѣхъ поръ могутъ во всей свѣжести и непосредственности наслаждаться красотами природы и другими внѣшними благами міра, пока ядъ нравственной порчи не успѣлъ еще заразить ихъ тѣла. Для такихъ чистыхъ и праведныхъ людей, какъ выведенный у Достоевскаго старецъ Зосима, каждое біеніе пульса природы можетъ служить источникомъ огромнаго наслажденія. Великіе христіанскіе подвижники, пребывая въ пустынѣ безъ одежды, пищи и питія, испытывали высокое духовное наслажденіе и не чувствовали атмосферныхъ вліяній, голода и жажды. Всѣ тѣ элементы природы, которые обычно служатъ для человѣка причиною страданій, для нихъ какъ бы переставали существовать. Они воспринимали міръ сквозь призму своей очищенной организаци, а потому для нихъ онъ въ нѣкоторой мѣрѣ возводился къ своему первобытному совершенству. Неудивительно, что они начинали видѣть въ природѣ Бога и читать его волю, слабо воспринимаемую нашими поврежденными очами. Если на ряду съ этими и подобными фактами мы припомнимъ, что христіанскіе мученики, подвергаясь жесточайшимъ страданіямъ, въ моментъ высшаго религіознаго одушевленія не чувствовали боли и даже испытывали высокую духовную радость, что нѣкоторые изъ нихъ, поставленные въ такія условія, при которыхъ по человѣческимъ соображеніямъ необходимо должна была наступить смерть, пѣли хвалебныя пѣсни Богу, препобѣждая «естества уставы», то поймемъ возможность для людей въ состояніи невинности быть совершенно нечувствительными ко всей той сторонѣ міра, которую мы называемъ теперь физическимъ зломъ. Не надо за-

бывать, что въ настоящее время даже природа праведниковъ носить въ себѣ слѣдствія грѣхопаденія. Если же, несмотря на это, они могутъ доходить до такого состоянія, при которомъ сила духа какъ бы совершенно освобождаетъ ихъ отъ оковъ тѣла, дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ болевымъ ощущеніямъ, то тѣмъ болѣе мы должны признать возможнымъ, что въ условіяхъ цѣльности бытія, еще не расколотаго грѣхопадениемъ, когда между физическою и духовною стороною человѣческаго существа была полная гармонія въ смыслѣ безусловнаго подчиненія организма личности, сдерживающая сила духа анестезировала тѣло отъ тѣхъ разрушительныхъ вліяній природы, которыя служатъ въ настоящее время причиною смерти, болѣзней и страданій.

Но хотя при настоящемъ состояніи природы, съ человѣческой точки зрѣнія, въ ней есть какъ совершенства, такъ и несовершенства, однакожь, по библейскому ученію, сумма первыхъ превышаетъ количество вторыхъ, такъ что въ общемъ міръ есть прекрасно устроенное гармоническое цѣлое (Иовъ 12, 7—9; Пс. 18, 2, 103, 24, 144, 9, 85, 8—10; 91, 1—6; Ис. 40, 26; 1 Тим. 4, 4). Отсюда созерцаніе его красотъ и изученіе его законовъ и силъ должно вести къ богопознанію, возбуждать чувство благодарности и любви къ Творцу (Римл. 1, 20). Эта мысль подтверждается многими мѣстами Св. Писанія, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію несомнѣнно видно, что философскій оптимизмъ стоитъ ближе къ библейскому ученію о мірѣ, чѣмъ пессимизмъ.

Такимъ образомъ, по библіи, внѣшняя природа, сотворенная Богомъ изъ ничего во времени, вышедшая изъ Его рукъ въ возможно совершенномъ видѣ, сама по себѣ ни добрая, ни злая, лишенная сознательной разумности и свободы, поврежденная вслѣдствіе грѣхопаденія, однакожь, и до нынѣ является настолько прекрасною и цѣлесообразною въ своемъ устройствѣ, что можетъ служить источникомъ богопознанія и свидѣтельствовать о благодати и премудрости Творца.

Отношеніе человѣка къ природѣ, по откровенному ученію, обыкновенно опредѣляется въ томъ смыслѣ, что онъ предназначенъ быть ея царемъ, первосвященникомъ и пророкомъ (Записки М. Филарета на кн. Бытія, стр. 38). Царственное положеніе человѣка въ мірѣ, вытекающая уже изъ того, что онъ есть вѣнецъ творенія и что его созданіе было обставлено особенною торжественностью, прямо узаконяется словами

Господа: «да обладает онъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрми и скотами, и всею землею, и всѣми гады, пресмыкающимися по земли» (Быт. 1, 26) — словами, повторенными затѣмъ семейству Ноя и, слѣдовательно, не потерявшими значенія и послѣ паденія Адамова. Въ чемъ же заключается царственное назначеніе человѣка? Для рѣшенія этого вопроса естественнѣе всего обратиться къ анализу понятія о царской власти и къ наблюденію ея конкретныхъ проявленій въ дѣйствительной жизни. Царская власть состоитъ прежде всего въ томъ, что обладающее ею лицо имѣетъ огромныя права, которыми и можетъ во всякое время пользоваться. Обращая вниманіе на эту сторону дѣла, мы могли бы предположить, что человѣку потому именно принадлежитъ царственное значеніе въ природѣ, что онъ обладаетъ достаточною силою распорядиться ею по своему произволу: рубить лѣса, убивать и рѣзать животныхъ, производить разрушенія въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ и т. д. Однакожъ, если бы въ этомъ только состояла царская власть человѣка, то она не дѣлала бы ему чести, а, напротивъ, скорѣе являлась бы позоромъ для него, какъ разумно-нравственнаго существа. Конечно, царь, пользующійся неограниченною властью, можетъ рубить головы своимъ подданнымъ и разрушать ихъ жилища, но это будетъ не истинное проявленіе власти, а искаженіе ея и злоупотребленіе ею. Къ тому же, если бы мы видѣли царственное назначеніе человѣка въ его силѣ, то оно не всегда находило бы себѣ примѣненіе. Многія животныя въ этомъ отношеніи превосходятъ человѣка, и потому въ этомъ смыслѣ скорѣе могутъ быть названы царями природы. Вѣтхозавѣтный законъ особенно вооружается противъ такого грубаго, деспотическаго пониманія царской власти человѣка, когда внушаетъ ему чувства любви и гуманности по отношенію къ природѣ и въ особенности къ животнымъ. По Закону Моисея, еврей въ извѣстные дни долженъ давать покой своему рабочему скоту, не долженъ заграждать уста вола молотящаго, не долженъ пахать на волѣ и ослѣ вмѣстѣ, не долженъ варить теленка или козленка въ молоко матери его и т. д.

Гораздо болѣе возвышенно и справедливо то воззрѣніе на царственное назначеніе человѣка, по которому оно состоитъ въ его культурной роли во всемірной исторіи. Уступая по своей внѣшней оборонѣ многимъ животнымъ, онъ силою своего разума покоряетъ себѣ весь міръ и дѣлается его владыкою.

Онъ опускается на дно морское и поднимается въ заоблачныя выси, заставляя служить себѣ не только животныхъ, но и стихіи міра, подчиняетъ своей волѣ электричество, паръ и силу водопадовъ, извлекаетъ изъ нѣдръ земли ея сокровища, прорѣзываетъ горы желѣзными дорогами, анализируетъ составъ отдаленныхъ планетъ. Все это служить признакомъ царской власти человѣка, хотя и не исчерпываетъ всего ея содержанія. Не надо забывать, что всякая власть состоитъ не только въ правахъ, но и въ обязанностяхъ, причѣмъ послѣднія должны имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ первыя. А обращая вниманіе на эту сторону дѣла, мы можемъ придти къ заключенію, что царственное назначеніе человѣка должно состоять въ улучшеніи имъ природы, въ возведеніи ея къ тому перво-бытному совершенству, котораго лишилась она, благодаря паденію нашего праотца. Повидимому, внѣшній техническій прогрессъ вполнѣ удовлетворяетъ этой цѣли. Но на самомъ дѣлѣ это бываетъ не всегда. Увеличивая, съ одной стороны, удобства жизни, онъ, съ другой, нерѣдко нарушаетъ красоту и поэзію природы, возбуждая въ тоже время въ человѣкѣ новыя потребности и дѣлая болѣе утонченной его организацію, вслѣдствіе чего окружающій міръ доставляетъ ему еще болѣе страданій. Извѣстный англійскій эстетикъ и моралистъ Рескинъ былъ жесточайшимъ врагомъ заводовъ, фабрикъ и въ особенности желѣзныхъ дорогъ. Все это, по его мнѣнію, портитъ первобытную, дѣвственную красоту природы, превращаетъ міръ въ толкучій рынокъ, дѣлаетъ его похожимъ на фабричный районъ большого города, гдѣ не видно ни зелени, ни цвѣтовъ, гдѣ не слышно пѣнія птицъ, гдѣ само небо постоянно завалаживается клубами дыма, выходящими изъ огромныхъ трубъ различныхъ заводовъ. И нельзя не согласиться по крайней мѣрѣ съ частичною справедливостью этой мысли. Кому не приходилось видѣть какъ подъ вліяніемъ культуры какой нибудь райскій уголокъ земли превращается чуть ли не въ адъ, какъ вырубаются лѣса, истребляется зелень, засыпается озеро для того, чтобы построить на этомъ мѣстѣ шумный, торговый городъ съ его сутулокой, пылью, всевозможными отбросами, чадомъ и вонью, какъ сооруженія фабрикъ, заводовъ, различныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ и т. п. портятъ картину извѣстнаго ландшафта, нарушаютъ его поэтическую прелесть. Технический прогрессъ и внѣшняя культура лишь тогда дѣлаютъ природу болѣе совершенною, когда они имѣютъ нрав-

ственную подкладку и преслѣдуютъ не цѣли личной выгоды, а общечеловѣческое благо. Но такъ какъ часто невозможно бываетъ предвидѣть, какъ отразится на послѣднемъ то или другое изобрѣтеніе, то вообще можно придти къ тому заключенію, что техническій прогрессъ и культивированіе природы въ этомъ смыслѣ едва ли возводитъ ее къ первобытному совершенству и составляетъ обязанность человѣка, какъ ея царя.

Болѣе возвышенной формой проявленія царственной власти человѣка надъ природой должно быть признано художественное творчество, въ которомъ матерія преобразуется сообразно съ идеей прекраснаго и какъ бы одухотворяется, освобождаясь отъ своихъ грубо чувственныхъ свойствъ. Красота извѣстнаго предмета пменно и состоитъ въ томъ, что идея какъ бы просвѣчиваетъ сквозь его чувственную оболочку, такъ что онъ, оставаясь матеріальнымъ, въ то же время носить въ себѣ яркую печать духа. Это эстетическое одухотвореніе природы достигается отчасти уже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, человѣкъ заботится объ ея украшеніи и прилагаетъ свою культивирующую силу къ естественному теченію ея жизни, когда, напримѣръ, онъ разводитъ цвѣтники, дѣлаетъ прививки деревьямъ, улучшаетъ красоту видовъ и т. п. Но главнымъ средствомъ къ этому служить искусство, благодаря которому грубый мраморъ превращается въ прекрасную статую, комбинація красокъ даетъ чудную картину, проникнутую возвышенною идеею и вызывающую глубокія чувства. колебанія воздуха сочетаются такъ, что дѣлаются способными потрясать человѣческое сердце и улучшаютъ его нравственное состояніе. Грубая матерія возводится здѣсь въ перлъ духа и приближается къ тому идеалу совершенства, котораго лишилась она послѣ грѣхопаденія прородителей. Но если подъ рѣзцемъ геніальнаго скульптора глыба мрамора превращается въ прекрасную статую, если благодаря работѣ кисти художника комбинація матеріальныхъ элементовъ создаетъ образъ женщины съ божественнымъ выраженіемъ лица, образъ, предъ которымъ въ благоговѣйномъ изумленіи останавливаются сотни тысячъ зрителей, то почему не допустить, что въ идеѣ нѣчто подобное должебъ и можетъ дѣлать и всякій человѣкъ по отношенію ко всей природѣ. Предѣловъ развитію человѣческаго духа и заключающихся въ немъ потенцій никто указать не можетъ. Быть можетъ въ каждомъ изъ насъ дремлетъ геній Рафаэля и если бы мы въ теченіе вѣковъ дѣлали все возможное какъ для сво-

его усовершенствованія, такъ и для улучшенія природы, то послѣдняя во столько же разъ стала бы превосходить свое теперешнее состояніе, во сколько статуя Венеры Милосской превосходить безформенную глыбу мрамора или Дрезденская Мадонна комбинацію химическихъ элементовъ.

Но главнымъ образомъ возведеніе человѣкомъ природы къ ея первобытному совершенству можетъ происходить чрезъ его собственное самоочищеніе. Ближайшимъ образомъ это замѣтно на тѣлесной оболочкѣ нашего духа. Болѣзненность или здорье, красота или безобразіе нашего тѣла безусловно зависятъ отъ того или другого состоянія нашей нравственности. Распутство, чревоугодіе, пьянство разслабляетъ организмъ, производя въ немъ изнеможеніе и вялость, дѣлаютъ выраженіе лица плотянымъ и безобразнымъ. Точно также искажаютъ черты нашей фізіономіи злоба, ненависть и жестокость. По свидѣтельству библіи, убійство брата настолько обезобразило лицо Каина, что всякій встрѣтившійся отворачивался и бѣжалъ отъ него. Закорененные злодѣи и развратники обыкновенно обладаютъ звѣрской или гнусной фізіономіей, производящей отталкивающее впечатлѣніе. Наоборотъ, въ моментъ нравственнаго или религіознаго одушевленія самоотверженнаго подвига или проявленія любви, лицо всякаго, даже некрасиваго человѣка озаряется какимъ-то высшимъ свѣтомъ и становится чрезвычайно привлекательнымъ. Сквозь тѣлесную оболочку въ данномъ случаѣ какъ бы просвѣчиваетъ прекрасная душа, налагающая на фізіономію лучезарный отпечатокъ, вслѣдствіе котораго она, не будучи въ строгомъ смыслѣ красивой, становится въ высшей степени симпатичной. У людей праведныхъ даже старческая немощь не отнимаетъ фізической привлекательности. Все ихъ тѣло какъ бы одухотворяется, теряетъ свою земляную плотность, извергаетъ изъ себя тѣ грѣховные элементы, которые дѣлаютъ изъ человѣка существо, служащее чреву и низшему чрева. Такъ создается особый типъ святой, старческой красоты, заключающейся не въ пластичности формъ, не въ цвѣтушихъ краскахъ, а въ отраженіи на самомъ тѣлѣ святой, чистой и совершенной души. Даже болѣе того. Высота моральной жизни человѣка можетъ сдѣлать его тѣло нетлѣннымъ и по смерти, согласно предсказанію царя пророка: «не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія» (ис. XV, 10) и благожеланію Іисуса сына Сирахова праведникамъ: «кости ихъ процвѣтутъ отъ мѣста ихъ» (XL, 14). И мы знаемъ, что

многія тѣла христіанскихъ святыхъ дѣйствительно были прославлены отъ Бога изъятіемъ ихъ изъ всеобщаго закона разрушенія. Съ идеальной точки зрѣнія это должно быть признано доступнымъ и для каждаго человѣка христіанина.

Задача человѣка по отношенію къ природѣ есть прежде всего обязанность его къ самому себѣ, въ особенности съ той точки зрѣнія, по которой перемѣна, происшедшая въ мірѣ послѣ паденія Адамова, имѣла субъективный, а не объективный характеръ, иными словами произошла не на самомъ дѣлѣ и не для Бога, а для сознанія падшаго человѣка. Грѣхъ, отразившись на его физической и психической природѣ, растлилъ и испортилъ ее до такой степени, что воспринимаемый чрезъ нее міръ сталъ казаться намъ несовершеннымъ и началъ служить для насъ источникомъ страданій. Отсюда для того, чтобы возвратить природу въ ея прежнее состояніе, намъ необходимо устранить ту причину, благодаря которой, она такъ измѣнилась въ нашемъ сознаніи. По мѣрѣ нашего нравственнаго очищенія мы все болѣе и болѣе будемъ познавать совершенства міра и черпать изъ его нѣдръ все необходимое для нашего счастья. Справедливость этой мысли подтверждается фактами, о которыхъ мы уже говорили. Для святыхъ подвижниковъ не были страшны ни голодъ, ни холодъ, ни атмосферныя перемѣны. Тѣ нервныя раздраженія и физическіе процессы, которые заставляютъ мучительно страдать обыкновенныхъ людей, были не чувствительны для праведниковъ. Они какъ бы не чувствовали своего собственнаго тѣла и настолько подавляли его низшія потребности, что неудовлетвореніе ихъ не вызывало никакихъ непріятныхъ ощущеній.

Но если святые, благодаря своей богоугодной жизни, могли доходить до такого состоянія, что такъ называемое физическое зло переставало быть для нихъ таковымъ, то не въ правѣ ли мы предположить, что чѣмъ совершеннѣе будетъ человѣкъ, тѣмъ лучшей въ его глазахъ будетъ и природа, и что еслибы онъ возвратился къ невинности, которою обладали наши прародители до грѣхопаденія, то и природа пришла бы въ то состояніе, въ которомъ она вышла изъ рукъ Создателя. Человѣкъ носить зло въ себѣ самомъ и созерцаетъ міръ сквозь испорченное око своей растлиной природы. вмѣстѣ съ очищеніемъ послѣдней прояснится и глазъ его души, вслѣдствіе чего увидитъ міръ въ преображенномъ и усовершенствованномъ видѣ.

Человѣкъ, по библейскому учению, не только долженъ быть царемъ природы, но и ея пророкомъ. Обязанность пророковъ въ древности состояла въ томъ, что они возвѣщали людямъ волю Божию, разъясняли откровенный законъ и предсказывали будущее. И каждый изъ насъ, по выраженію митрополита Филарета, долженъ «высшимъ языкомъ духа разрѣшать безсознательныя вѣщанія тварей о Богѣ, и служеніе ихъ Богу, не восходящее выше чувственнаго, возносить къ себѣ до престола Всевышняго». Человѣкъ долженъ изъяснять вѣщанія природы и осмысливать сами по себѣ безсознательныя ея явленія. Природа, какъ справедливо замѣчаютъ, есть раскрытая книга, краснорѣчиво говорящая намъ о Богѣ и Его свойствахъ. «Небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку его возвѣщаетъ твердь» (пс. XVIII, 1), говоритъ псалмопѣвецъ. А по словамъ апостола Павла «невидимая бо Его отъ созданія міра твореными помышляема видима суть, и присущая сила Его и Божество» (Рим. 1, 20). Задача человѣка заключается въ томъ, чтобы постоянно читать книгу природы, насколько возможно, изучать ея силы и законы, раскрывать въ ней слѣды Божественной благодати и премудрости. Чѣмъ болѣе станетъ онъ вдумываться въ ходъ міровой жизни, чѣмъ глубже будутъ постигаться ея тайны, тѣмъ болѣе поразительнымъ и чудеснымъ покажется ему устройство природы, тѣмъ яснѣе онъ станетъ видѣть въ ней печать Божественнаго совершенства. Затѣмъ, изученіе природы можетъ имѣть моральное значеніе. Человѣкъ долженъ подражать въ ней достойному подраженію и избѣгать недостойнаго. Хорошія разсужденія по этому вопросу находимъ мы въ «Шестодневѣ» св. Василія Великаго. Описывая жизнь животныхъ, онъ или предостерегаетъ насъ отъ дурныхъ качествъ имъ свойственныхъ, или указаніемъ на добрыя черты располагаетъ слушателей къ подражанію. Способъ построения нравственныхъ приложений у него таковъ. Если извѣстное животное обладаетъ недостатками, то человѣкъ, взирая на него, долженъ почувствовать отвращеніе къ пороку и устыдиться тѣхъ чертъ характера, которыми онъ уподобляется безсловеснымъ. Если же наоборотъ, низшія живыя твари обнаруживаютъ хорошія свойства, то человѣкъ, которому стыдно быть хуже скотовъ, тѣмъ болѣе долженъ позаботиться о своемъ нравственномъ улучшеніи. Описывая жизнь растений, св. Отецъ находитъ въ ней такія черты, которыя должны располагать христіанъ къ благочестію.

пренебрежительному отношенію съ земнымъ благамъ, прославленію Бога и любви къ ближнимъ. Такъ по поводу словъ: «да произраститъ земля» онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ человѣкѣ укоренялось удивленіе къ твари, чтобы онъ гдѣ ни находился и какой родъ растений не встрѣчалъ, всегда возобновлялъ съ собою ясное воспоминаніе о Творцѣ. «Когда видишь на травѣ зелень и цвѣтъ, приведи на мысль человѣческое естество, припоминая изображеніе мудраго Исаи: всяка плоть, яко сѣно, всяка слава человѣческая, яко цвѣтъ травный» (Ис. XL.6). Слова пророка наводятъ святителя на цѣлый рядъ грустно поэтическихъ размышленій о тлѣнности, суетности и непрочности всѣхъ земныхъ благъ, всего того, что мы привыкли считать счастьемъ. «Сегодня цвѣтетъ тѣлесно, утучненъ отъ наслажденій, сообразно съ цвѣтущимъ возрастомъ имѣетъ свѣжую доброцвѣтность, бодръ, развязенъ, неудержимъ въ стремленіи, а на утро онъ же самый жалокъ, или увянувъ отъ времени, или ослабѣвъ отъ болѣзни. Иной обращаетъ на себя взоры изобиліемъ богатства, вокругъ него множество друзей, слугъ, сродниковъ, льстецовъ. Присовокуни къ богатству какую либо власть, или почести отъ царей, или управленіе народомъ, или начальство надъ войскомъ... И что же послѣ этого? Одна ночь... и или горячка, или боль въ боку, или воспаленіе легкихъ, похитивъ сего человѣка изъ среды людей, сводятъ съ позорища и мѣсто его дѣйствія вдругъ дѣлается опустѣвшимъ, и эта слава оказывается ничѣмъ, какъ сновидѣніе» (Изд. Троице-Серг. Лавры, 1902 г. стр. 109). Созерцаніе гроздьевъ винограда напоминаетъ св. Василию, что Самъ Господь «не перестаетъ вездѣ уподоблять человѣческія души винограднымъ лозамъ. Онъ хочетъ чтобы мы какъ бы нѣкоторыми завивками сплетались съ ближними объятіями любви и успокоевались въ нихъ, и всегда стремясь къ горнему, какъ вьющіяся виноградныя вѣтви, всегда старались уравниваться съ вершинами самыхъ высокихъ. Онъ требуетъ еще, чтобы мы еще терпѣли, когда окапываютъ насъ. А душа окапывается чрезъ отложеніе мірскихъ заботъ, которыя составляютъ бремя для нашихъ сердець. Не должно же разростаться въ вѣтви, т. е. жить на показъ и домогаться похвалы за внѣшность, но надобно быть благоплоднымъ, предоставляя истинному земледѣлателью показаніе дѣль... Ибо такимъ образомъ будетъ подражать всегдашней зелени сего растенія и подражать его многоплодію». (стр. 76). Если бы всѣ мы такъ внимательно относились къ природѣ, какъ св. отецъ—авторъ

Шестоднева, и приступали къ ея изученію съ такимъ же благочестивымъ и высоко нравственнымъ настроеніемъ, то несомнѣнно не только находили бы въ ея вѣщаніяхъ подтвержденіе нашей вѣры, но и могли бы извлекать изъ нея полезныя нравственныя уроки. Къ сожалѣнію мы часто остаемся глухи и слѣпы къ тому, о чемъ говорить намъ мірозданіе и, такимъ образомъ, не исполняемъ пророческаго по отношенію къ нему своего назначенія.

Обязанности человѣка по отношенію къ природѣ, какъ ея священника, уже отчасти раскрыты нами. Одухотворяя матерію и возводя ее къ первобытному совершенству, онъ тѣмъ самымъ и освящаетъ ее. Но это освященіе можно понимать и нѣсколько иначе, въ болѣе таинственномъ смыслѣ. Ранѣе мы говорили, что матерія, какъ субстанція лишенная разума и свободы, находится внѣ нравственной оцѣнки. Но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе тѣсной связи ея съ духомъ, а также по причинѣ смѣшенія въ жизни человѣка, какъ ограниченнаго существа, субъективнаго и объективнаго элементовъ и трудности ихъ точнаго разграниченія, получается нѣкоторая возможность переносить идею святости и на природу, хотя, конечно, это перенесеніе имѣетъ условное значеніе. Орудіе преступленія становится въ нашихъ глазахъ не чистымъ, мѣсто, гдѣ совершилось какое либо гнусное дѣяніе, представляется оскверненнымъ. Земля, по ученію Слова Божія, была проклята за грѣхъ человѣка, какъ бы загрязнившаго ее своимъ грѣхопаденіемъ. Отсюда въ настоящее время священническое назначеніе его по отношенію къ природѣ состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ свою святую жизнь освящать и ее, чтобы чрезъ нравственное соприкосновеніе съ ней освобождать ее отъ той скверны, которой подпала она вслѣдствіе грѣха. По ученію Церкви, матерія въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ становиться какъ бы святою. Таковы, на примѣръ, нетлѣнныя мощи святыхъ, иконы и другіе священные предметы, такова освященная по извѣстному чину вода, благословенныя хлѣбы, плоды и т. д. Такой же характеръ имѣютъ въ нашемъ сознаніи мѣста, на которыхъ подвизались угодники Божія и въ особенности Палестина, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вотъ въ этомъ несобственномъ, однакожъ, вполне дѣйствительномъ смыслѣ возможно освященіе и всей земли—этого жилища человѣка, освященіе, достигаемое религіозно-нравственною жизнью послѣдняго и составляющее задачу его священническаго назначенія по отношенію къ природѣ.

Павель Левитовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки